

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(470)''17/18''+37.014.521:271.2

**«МЁРТВЫЕ ДУШИ» В ДУХОВНЫХ ШКОЛАХ
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII – НАЧАЛЕ
XIX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ТВЕРСКОЙ ЕПАРХИИ)¹**

Д. А. Беговатов

Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, г. Тверь, Россия

На материале Тверской епархии рассматриваются количественные параметры контингента учащихся духовных школ в конце XVIII – начале XIX вв. и отношение духовенства к образованию. Цель статьи – определить, насколько статистические данные отражают реальное количество воспитанников учебных заведений и как соотносятся просьбы духовенства об открытии школ со свидетельствами о настороженном отношении к образованию в духовной среде. В работе использованы делопроизводственные документы Тверской духовной консистории, статистические источники, мемуары, публицистика и церковная периодическая печать. Исследование показало, что формально контингент учащихся духовных школ был обширным, однако часть воспитанников по различным причинам не посещала классы, а семинарский курс оканчивала лишь незначительная доля училищного набора.

Ключевые слова: *духовные школы, духовные учебные заведения, Тверская духовная семинария, Тверская епархия, православное духовенство.*

Мать, со слезами провожающая дитя в духовное училище и причитающая по нему, как по усопшему; мальчик, уезжающий на учёбу, словно рекрут в армию; юноша, затемно перелезающий через ограду ненавистной школы и направляющийся в родное село; священник, укрывающий дома сбежавшего из семинарии сына, – всё это достаточно типичные картины жизни духовного сословия России конца XVIII – начала XIX вв., которые фиксировали мемуаристы, публицисты и исследователи. Между тем источники свидетельствуют о том, что духовные школы Тверской епархии уже с конца XVIII в. едва справлялись с количеством учеников, а духовенство само ходатайствовало о расширении образовательной инфраструктуры. В данной статье предпринята попытка ответить на вопросы, как сосуществовали эти тенденции и насколько статистические данные отражают реаль-

¹ Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой отечественной истории ТвГУ, Т. Г. Леонтьева.

ную картину, которая наблюдается в церковной образовательной сфере в данный период. Эти вопросы уже попадали в поле зрения дореволюционных исследователей, в связи с чем необходимо упомянуть монографии П. В. Знаменского и Б. В. Титлинова, а также труд В. И. Колосова, посвящённый истории Тверской духовной семинарии².

В конце XVIII – начале XIX вв. в Тверской епархии имелась семинария и 4 духовных уездных училища в г. Кашине, Осташкове, Торжке и Бежецке. Кроме того, низшие классы семинарии соответствовали уровню уездных училищ, поэтому *de facto* школ этого типа было 5. В сравнении с другими епархиями Российской империи такое количество учебных заведений было достаточно большим³.

Императрица Екатерина II полагала, что духовным школам следует концентрироваться на качественном обучении способных учеников, пусть и в ущерб количеству воспитанников; этой же позиции придерживался Духовный Регламент⁴. Между тем в конце XVIII – начале XIX вв. в училищах и семинарии Тверской епархии наблюдается устойчивый рост контингента обучающихся. В 1784 г. в духовных учебных заведениях губернии числилось 1148 учеников, из них в г. Твери – 655 человек, в Кашине – 155, в Бежецке – 151, в Осташкове – 79, в Торжке – 108. По сведениям П. В. Знаменского, в духовных школах России в это время насчитывалось 11 329 юношей – таким образом, на Тверскую епархию приходилось более 10 % учеников империи. В 1802 г. общее число воспитанников в епархии возросло до 1658 человек: в богословском, философском и риторическом классах семинарии обучалось 424 человека, в низших классах семинарии – 648 мальчиков, в кашинском училище – 192, в новоторжском – 146, осташковском – 101, в бежецком – 147. Таким образом, за неполные 20 лет численность учеников в епархии увеличилось на 44 %, при этом в семинарии рост шёл опережающими темпами⁵.

² Знаменский П. В. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881; Колосов В. И. История Тверской духовной семинарии. Тверь, 1889; Титлинов Б. В. Духовная школа в России в XIX столетии. Вильна, 1908. Вып. 1–2.

Znamenskii P. V., *Dukhovnye shkoly v Rossii do reformy 1808 goda*, Kazan', 1881; Kolosov V. I., *Istoriya Tverskoi dukhovnoi seminarii*, Tver', 1889; Titlinov B. V., *Dukhovnaya shkola v Rossii v XIX stoletii*, Vil'na, 1908, Vyp. 1–2.

³ Генеральное соображение по Тверской губернии, извлечённое из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783–1784 гг. Тверь, 1873. Генеральная табель о числе градских жителей; Знаменский П. В. Указ. соч. С. 522, 524, 554; Колосов В. И. Указ. соч. С. 243; Титлинов Б. В. Указ. соч. Вып. 1. С. 5.

General'noe soobrazhenie po Tverskoi gubernii, izvlechennoe iz podrobnogo topograficheskogo i kameral'nogo po gorodam i uezdam opisaniya 1783–1784 gg., Tver', 1873, General'naya tabel' o chisle gradskikh zhitelei; Znamenskii P. V., *Op. cit.*, S. 522, 524, 554; Kolosov V. I., *Op. cit.*, S. 243; Titlinov B. V., *Op. cit.*, Vyp. 1., S. 5.

⁴ Знаменский П. В. Указ. соч. С. 472.

Znamenskii P. V., *Op. cit.*, S. 472.

⁵ Генеральное соображение. Генеральная табель о числе градских жителей; Знаменский П. В. Указ. соч. С. 497, 500–503, 559; Колосов В. И. Указ. соч. С. 242–243.

В 1801 г. тверской епископ Павел (Зернов) констатировал: духовные школы губернии настолько переполнены, что педагоги не справляются с имеющимся количеством воспитанников. По этой же причине архиепископ Мефодий (Смирнов) в 1807 г. велел тверскому семинарскому правлению не принимать в семинарию учеников из духовных училищ, которые на вступительных испытаниях показали слабые знания, т.к. количество абитуриентов было очень большим⁶.

Примечательно, что духовенство Тверской епархии ходатайствовало о расширении образовательной инфраструктуры. Так, в 1802 г. священно- и церковнослужители г. Вышнего Волочка просили об открытии в городе духовного училища: сетуя на то, что ближайшие учебные заведения находятся далеко, а найм квартир для сыновей обходится очень дорого, обучать их они «находят себя не в состоянии, а чрез то дети их лишаются своего в науках образования». При положительной резолюции родители обязались содержать школу на собственные средства и выстроить для неё покои. Следует отметить, что кашинское уездное училище, которое было открыто в 1768 г., также создавалось по инициативе приходских священно- и церковнослужителей⁷.

Такое количество духовных учебных заведений и учеников должно было формировать обширный кадровый резерв для корпуса духовенства, однако на практике по ряду причин этот процесс сталкивался с рядом сложностей. Одной из главных проблем духовных школ в этот период была слабая мотивация учеников к успешному прохождению обучения и окончанию полного курса наук. В XIX в. побегі воспитанников из учебных заведений постепенно уходят в прошлое, однако на смену им приходит новая форма отказа от получения образования – игнорирование учебного процесса, невыполнение заданий и пр., которое Н. Г. Помяловский позже назовет «сознательным отрицанием науки». Нежелание учиться объяснялось скучностью и схоластичностью предметов, специфическими методами преподавания, полумонашеским устройством быта, засильем латыни и пр. Так как даже кратковременное пребывание в школе давало формальное право на занятие места в причте, это провоцировало досрочное прекращение обучения: через явное пренебрежение предъявляемыми требованиями юноши добивались исключения из учебных заведений или уходили по собственному желанию. Как отмечают исследователи, в первой четверти XIX в. такие настроения в сыновьях достаточно активно поддерживали родители,

Далее богословский, философский и риторический классы семинарии в соответствии с традицией XIX в. будут называться «богословией», «философией» и «риторикой».

General'noe soobrazhenie, General'naya tabel' o chisle gradskikh zhitelei; Znamenskii P. V., Op. cit., S. 497, 500–503, 559; Kolosov V. I., Op. cit., S. 242–243.

⁶ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 326. Л. 1; Д. 743. Л. 1.

State Archive of Tver Region (GATO), F. 160, Op. 1, D. 326, L. 1; D. 743, L. 1.

⁷ Там же. Д. 907. Л. 1–1 об.; *Знаменский П. В.* Указ. соч. С. 524.

Ibid., D. 907, L. 1–1 ob.; *Znamenskii P. V., Op. cit., S. 524.*

что обуславливалось непониманием ценности образования, материальной скудостью и невысокой конкуренцией за места⁸.

В этом отношении показательны результаты ревизии вышневолоцкого уездного училища 1815 г. Из 98 учеников 22 фактически прекратили обучение, не посещали занятий, а в качестве причин такого поведения указывали на великовозрастность и желание определиться на какое-либо место. Ревизия 1818 г. продемонстрировала, что ситуация с мотивацией не улучшилась: многие юноши по-прежнему желали быть отчисленными⁹.

Следствием такой ситуации было то, что в конце XVIII – начале XIX вв. количество учеников быстро росло в сегменте низших школ, стремительно убывая по мере продвижения к богословскому классу семинарии. Н. Г. Помяловский констатировал, что в начале XIX в. из духовных училищ только по «великовозрастию» ежегодно отчислялось до 20 % учеников. П. В. Знаменский отмечал, что ученики высших семинарских классов составляли лишь незначительную долю всего контингента духовных школ из-за того, что множество воспитанников покидали учебные заведения по собственному желанию либо были исключаемы. Ситуация не претерпела существенных изменений к середине XIX в.: по подсчётам Д. И. Ростиславова, из поступающих в низшие училища только 15–20 % в будущем становились «богословами»¹⁰.

Согласно данным ревизии тверской семинарии за 1815 г., из риторического класса в этот год была отчислена треть учеников, а пятая часть была вынуждена прослушать курс заново. Из класса философии была уволена «по безнадёжности» шестая часть семинаристов, ещё столько же было оставлено в том же классе повторно. При сохранении таких же пропорций

⁸ Соловьёв И. А. Описание жизни иерея Иоанна Антоновича Соловьёва, составленное им самим. Тверь, 1905. С. 52; Помяловский Н. Г. Очерки бursy // Сочинения. М., 1949. С. 214, 288, 318; [Ростиславов Д. И.] О православном белом и чёрном духовенстве в России: в 2 т. Лейпциг, 1866. Т. 2. С. 222–223, 332, 535; Знаменский П. В. Указ. соч. С. 569, 588, 592–594, 740–741; Доброклонский А. П. Руководство по истории русской церкви. 1700–1890. М., 1999. С. 591; Титлинов В. В. Указ. соч. Вып. 1. С. 252–255, 285.

Solov'ev I. A., *Opisanie zhizni iereya Ioanna Antonovicha Solov'eva, sostavlennoe im samim*, Tver', 1905, S. 52; Pomyalovskii N. G., *Ocherki bursy*, Sochineniya, M., 1949, S. 214, 288, 318; [Rostislavov D. I.], *O pravoslavnom belom i chernom dukhovenstve v Rossii*, v 2 t., Leiptsig, 1866, T. 2, S. 222–223, 332, 535; Znamenskii P. V., *Op. cit.*, S. 569, 588, 592–594, 740–741; Dobroklonskii A. P., *Rukovodstvo po istorii russkoi tserkvi. 1700–1890*, M., 1999, S. 591; Titlinov V. V., *Op. cit.*, Вып. 1, S. 252–255, 285.

⁹ Тверская семинария и некоторые её училища в 1815 и 1818 годах // Тверские епархиальные ведомости (далее – ТЕВ). 1885. № 23 (неоф. часть). С. 783–784; 1886. № 2 (неоф. часть). С. 24–25.

Tverskaya seminariya i nekotorye ee uchilishcha v 1815 i 1818 godakh, Tverskie eparkhial'nye vedomosti (TEV), 1885, № 23 (neof. chast'), S. 783–784; 1886, № 2 (neof. chast'), S. 24–25.

¹⁰ Помяловский Н. Г. Указ. соч. С. 214; [Ростиславов Д. И.] Указ. соч. Т. 2. С. 332, 535; Знаменский П. В. Указ. соч. С. 582, 589–590.

Pomyalovskii N. G., *Op. cit.*, S. 214; [Rostislavov D. I.], *Op. cit.*, T. 2, S. 332, 535; Znamenskii P. V., *Op. cit.*, S. 582, 589–590.

отчисленных до богословского класса должна была прийти «с первого раза» только треть «риторов», а с учётом повторно прослушивающих курс – около 55 % семинарского набора¹¹.

Схожие свидетельства обнаруживаются в мемуарах священника Тверской епархии И. А. Соловьёва, время обучения которого пришлось на конец XVIII – начало XIX вв. Вспоминая свой курс, он пишет, что из класса «высшей фары» в «синтаксиму» перевели 80 человек, а 10 оставили для повторного изучения наук; из «риторики» в «философию» было переведено около 200 человек, тогда как в классе обучалось более 300 юношей. В следующий раз из «риторики» в «философию» перешло 100 человек и ещё более 100 были оставлены для повторного прохождения курса¹².

Личный пример И. А. Соловьёва демонстрирует большое терпение начальства к неспособным ученикам. Несмотря на то, что юношу неоднократно оставляли для повторного слушания курса, он доучился до «философии» и покинул семинарию только из-за нежелания изучать математические науки, введённые новым учебным планом в 1814 г. Политику духовных властей в этом вопросе чётко сформулировал отец священника, наставляя малоспособного сына: «Будь скромн и кроток, трудись, и будут переводить»¹³. Ситуация не претерпела изменений к середине XIX в., что зафиксировал в мемуарах известный вологодский протоиерей А. А. Попов: «Немногих из малоуспешных оставляли и на повторительный курс, а исключали только неисправимых безобразников по поведению. А если ученик был хотя бы и бесталанн и малоуспешн, но благонравн и трезв, то для него была полная возможность закончить семинарское образование»¹⁴. Таким образом, само по себе окончание учебного заведения или определённого количества классов отнюдь не свидетельствовало об объёме и качестве усвоенных знаний.

Очевидно, что так же снисходительно начальство учебных заведений относилось к ученикам, которые не могли окончить курса из-за продолжительной болезни. Например, в тверской семинарии в начале XIX в.

¹¹ Тверская семинария и некоторые её училища в 1815 и 1818 годах // ТЕВ. 1885. № 23 (неоф. часть). С. 787–788.

Tverskaya seminariya i nekotorye ee uchilishcha v 1815 i 1818 godakh, ТЕВ, 1885, № 23 (neof. chast'), S. 787–788.

¹² Соловьёв И. А. Указ. соч. С. 49, 68, 72, 99.

Solov'ev I. A., *Op. cit.*, S. 49, 68, 72, 99.

¹³ Жизнь священника Иоанна Антоновича Соловьёва по окончании семинарского курса // ТЕВ. 1909. № 27–28 (неоф. часть). С. 587–588; Соловьёв И. А. Указ. соч. С. 25, 27, 29, 68, 88, 99.

Zhizn' svyashchennika Ioanna Antonovicha Solov'eva po okonchanii seminarского курса, ТЕВ, 1909, № 27–28 (neof. chast'), S. 587–588; Solov'ev I. A., *Op. cit.*, S. 25, 27, 29, 68, 88, 99.

¹⁴ Попов А. А. Воспоминания причетнического сына: из жизни духовенства Вологодской епархии. Вологда, 1913. С. 71.

Попов А. А., *Vospominaniya prichetnicheskogo syna: iz zhizni dukhovenstva Vologodskoi eparkhii*, Vologda, 1913, S. 71.

имелся юноша, который 15 лет пребывал в стенах этого учебного заведения, из них 6 лет – в богословском классе. Начальству он заявлял, что «внутреннюю имеет болезнь, по причине коей ныне в класс не ходит». Этого воспитанника резолюцией архиерея было велено оставить в семинарии до излечения; аналогичное решение было вынесено в отношении другого больного ученика¹⁵.

Следствием такой лояльности было то, что разница в возрасте между одноклассниками могла составлять более 10 лет, а отдельные ученики выпускались из школы в 30 лет. Как отмечают И. А. Соловьёв и В. И. Колосов, некоторые тверские семинаристы обучались в риторическом классе по 6, 8 и 9 лет и «достигали в этом классе 25-тилетнего возраста». Ревизор тверской семинарии в 1815 г. отмечал, что «некоторые ученики кажутся дошедшими до сего (богословского. – Д. Б.) отделения только долгим временем учения»¹⁶. Как показывают источники по другим регионам, такое положение наблюдалось во многих епархиях Российской империи, и ситуация не претерпела серьёзных изменений даже к середине XIX в.¹⁷

Причины «великовозрастности» учеников очевидны – позднее поступление в школу, малоуспешность, болезненность и пр., однако порой к ним добавлялись специфические факторы. Например, тверской архиепископ Мефодий (Смирнов) имел собственный взгляд на порядок прохождения духовной карьеры и выход семинаристов в светское звание. По словам современника, архиерей никого не отпускал из духовного сословия, а выпускников–«богословов» определял в дьяконы для прохождения трёхлетнего служения в этом чине до рукоположения в священники. Тот, кто не мог найти места, должен был продолжать обучение в богословском классе и после его формального окончания; такие ученики попадали в категорию великовозрастных и посещали высший семинарский класс до 10 лет подряд. В похожей ситуации оказывались ученики средних классов: по словам И. А. Соловьёва, неуспевающих «риторов» не исключали из духовного звания и не определяли на причетнические места без прохождения дополнительного обучения в русской школе. Таким образом, у них не было другого выбора, кроме как продолжать обучение, даже несмотря на отсутствие

¹⁵ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 911. Л. 2, 10.

ГАТО, Ф. 160, Оп. 1, Д. 911, Л. 2, 10.

¹⁶ Владиславлев В. Ф. Автобиографические записки протоиерея Тверской Владимирской церкви В.Ф. Владиславлева. Тверь, 1906. С. 47; Соловьёв И. А. Указ. соч. С. 99; Тверская семинария и некоторые её училища в 1815 и 1818 годах // ТЕВ. 1885. № 23 (неоф. часть). С. 787; Колосов В. И. Указ. соч. С. 314.

Vladislavlev V. F., *Avtobiograficheskie zapiski protoiereya Tverskoi Vladimirskoi tserkvi V.F. Vladislavleva*, Tver', 1906, S. 47; Solov'ev I. A., *Op. cit.*, S. 99; *Tverskaya seminariya i nekotorye ee uchilishcha v 1815 i 1818 godakh*, TEV, 1885, № 23 (neof. chast'), S. 787; Kolosov V. I., *Op. cit.*, S. 314.

¹⁷ Помяловский Н. Г. Указ. соч. С. 214, 288; Попов А. А. Указ. соч. С. 33–34.

Pomyalovskii N. G., *Op. cit.*, S. 214, 288; Popov A. A., *Op. cit.*, S. 33–34.

желания и способностей¹⁸. Схожие примеры обнаруживаются в других епархиях России, и такую практику поддерживал Св. Синод¹⁹.

П. В. Знаменский отмечает, что в некоторых семинариях и духовных академиях России существовала практика посылки лучших учеников в светские вузы для приготовления к преподавательской деятельности. Чтобы воспитанники после окончания вуза не оставляли духовного звания, с них брали специальную подписку и продолжали учитывать как учеников семинарий и академий²⁰. Неизвестно, существовала ли такая практика в Тверской епархии, но в данном случае важен сам факт существования схемы, которая влияла на расхождение данных официальной статистики и реального числа учеников.

Воспитанники, которые достигали среднего и старшего семинарского класса, далеко не все поступали в «епархиальное ведомство» или духовные вузы. Государство было заинтересовано в привлечении в светские учебные заведения и на службу способных учеников из семинарий и академий, поэтому создавало для них благоприятные условия. С 1786 г. начались систематические «вызовы» семинаристов в Московский университет и медицинские вузы, а по указам 1797 и 1802 г. духовные школы должны были ежегодно поставлять в медико-хирургические академии 50 человек²¹.

Так, в 1800 г. в тверскую семинарию пришёл запрос на отправку двух учеников для обучения медицине. Примечательно, что желающих покинуть стены духовной школы оказалось в два раза больше квоты, но отобраны были слушатели философского класса. В 1802 г. по аналогичному запросу семинарию оставили 4 «философа». В отдельные годы выход воспитанников был более массовым: например, в 1798 г. стены тверской семинарии ради медицинской карьеры покинули 15 человек, а в 1811 г. – 17²².

Известно, что профессиональная подготовка в духовных учебных заведениях не отличалась эффективностью. Как отмечали современники, большое количество учеников в какой-то момент останавливалось в развитии, а некоторые из них даже деградировали по отношению к отправной точке своего обучения. Порой из стен духовных школ выходили юноши, совершенно чуждые элементарным знаниям и навыкам. Сам факт того, что отдельные ученики после 12 лет обучения с трудом читали славянский

¹⁸ Соловьёв И. А. Указ. соч. С. 3–4, 69, 72, 99.

Solov'ev I. A., *Op. cit.*, S. 3–4, 69, 72, 99.

¹⁹ Знаменский П. В. Указ. соч. С. 587, 601.

Znamenskii P. V., *Op. cit.*, S. 587, 601.

²⁰ Там же. С. 682–684.

Ibid, S. 682–684.

²¹ ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 276. Л. 1; Доброклонский А. П. Указ. соч. С. 587.

ГАТО, Ф. 160, Оп. 1, Д. 276, Л. 1; Dobroklonskii A. P., *Op. cit.*, S. 587.

²² ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 276. Л. 1–1 об., 6–6 об.; Д. 894. Л. 7–8 об.; Колосов В. И. Указ. соч. С. 259, 317.

ГАТО, Ф. 160, Оп. 1, Д. 276, Л. 1–1 об., 6–6 об.; Д. 894, Л. 7–8 об.; Kolosov V. I., *Op. cit.*, S. 259, 317.

текст, писали с невероятными ошибками, не были способны составить простое письмо или ответить на поставленный вопрос, говорит сам за себя. Многие из выпускников усваивали устойчивый скепсис, если не ненависть, ко всему, что было связано с годами учёбы, поэтому впоследствии практически не читали книг, не выписывали журналов и не сочиняли проповедей²³. И. А. Соловьёв вспоминал, что пребывание в школе воспринималось им и его одноклассниками как мучение, и такие же оценки (а порой и более радикальные) встречаются в трудах дореволюционных публицистов²⁴.

Подводя итог, следует отметить, что во второй половине XVIII в. наступает перелом в отношении духовенства к духовным школам. Не имея возможности оказывать эффективное сопротивление политике государства в области просвещения, духовенство по большей части смирилось с необходимостью отправлять детей в учебные заведения. В то же время просьбы об открытии духовных школ поступали от священно- и церковнослужителей не из-за желания сделать своих сыновей «философами» и «богословами», но от стремления понести минимальные финансовые потери во время содержания детей в учебном заведении, которое давало право определиться на место в причте и не попасть под «разбор».

Анализ источников и историографии показывает, что в конце XVIII – начале XIX вв. в духовных школах имелось значительное количество учеников. Некоторые из них числились формально, проходя обучения в других учебных заведениях. Часть учеников не посещала занятий, откровенно заявляя о желании быть отчисленными или ссылаясь на болезни. Некоторые воспитанники принудительно удерживались в стенах семинарий архиерейским распоряжением и продолжали слушать пройденные курсы, т.к. не могли найти места в епархиальном и училищном ведомстве. Значительный процент воспитанников из-за лени и ограниченных способностей брал каждый класс «измором», прослушивая курсы по несколько раз. Уровень «брака» духовной образовательной системы был крайне велик: неуспешных учеников отчисляли в большом количестве, а значительная часть обучающихся покидала учебные заведения досрочно по собственной инициативе и до высшего семинарского класса доходила незначительная часть контингента, зачисленного в первые классы.

Учеников всех перечисленных категорий можно в той или иной степени отнести к разряду «мёртвых душ»: одни числились в списках формально, другие удерживались силой в ожидании вакансии, третьи показывали настолько невысокие успехи, что положительный эффект от их пребывания в школе стремился к нулю, четвёртые изначально поступали в

²³ Леонтьева Т. Г. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. М.; Тверь, 2012. С. 18.

Leont'eva T. G., *Svyashchennik Ioann Belyustin: biografiya v dokumentakh*, М., Tver', 2012, S. 18.

²⁴ Соловьёв И. А. Указ. соч. С. 52; Помяловский Н. Г. Указ. соч. С. 242, 309–310, 345–346.

Solov'ev I. A., *Op. cit.*, S. 52; Pomyalovskii N. G., *Op. cit.*, S. 242, 309–310, 345–346.

школу лишь для того, чтобы покинуть её через один или два года. Наконец, часть способных учеников уходила в светские учебные заведения с последующим определением на гражданскую службу; для церковного служения эти лица оказывались «потерянными душами».

Таким образом, формально большое количество учеников, которое фиксируется в Тверской епархии в конце XVIII – начале XIX вв., не означало, что большая их часть оканчивала семинарию в ранге «философов» или «богословов». Многие воспитанники достаточно быстро прекращали обучение, ограничиваясь минимумом, необходимым для определения на место церковнослужителя. «Образовательная революция», которая принципиально изменит ситуацию с просвещённостью корпуса священнослужителей, станет уделом второй четверти XIX столетия и будет сопровождаться переходом пастырского служения православного духовенства на качественно иной уровень.

Список литературы

1. Леонтьева Т. Г. Священник Иоанн Белюстин: биография в документах. М.; Тверь: Издательство «СФК-офис», 2012.

«DEAD SOULS» IN ECCLESIASTICAL SCHOOLS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE LATE 18TH CENTURY - IN THE EARLY 19TH CENTURY (THE CASE OF THE TVER DIOCESE)

D. A. Begovatov

The Tver State University, The Dept of Russian History, *Tver', Russia*

A case study of Tver diocese deals with the quantitative characteristics of enrollment at ecclesiastical schools in the late 18th century – in the early 19th century, as well as with the clergy attitude towards education. The object of the article is to define how well the statistical data reflect the real enrollment at ecclesiastical schools and how the requests of the clergy to establish a school correspond to the evidence of the cautious attitude to education in a clergy sphere. Documents of management and record keeping of the Tver ecclesiastical consistory, statistic sources, memoirs, publicism as well as religious press were used to point out the fact that though enrollment was quite vast officially, part of the pupils didn't attend classes due to various reasons and only negligible part of the admitted pupils completed the ecclesiastical school course.

Keywords: *ecclesiastical schools, religious educational establishments, Tver ecclesiastical seminary, Tver diocese, orthodox clergy.*

Об авторе:

БЕГОВАТОВ Дмитрий Александрович – аспирант, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет, (Россия,

170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31, каб. 207), e-mail: begovatov1986@mail.ru

About the author:

BEGOVATOV Dmitrii Aleksandrovich – The Graduate Student, The Dept of Russian History, The Tver State University, (Russia, 170100, Tver, Trekhsvyatskaya St., 16/31, office 207), e-mail: begovatov1986@mail.ru

References

Leont'eva T. G., *Svyashchennik Ioann Belyustin: biografiya v dokumentakh*, М., Tver', Izdatel'stvo «SFK-ofis», 2012.

Статья поступила в редакцию 12.09.2015 г.